

К проблеме вариативности языка: метод многофакторного исчисления второго порядка

Towards the problem of linguistic variability: a multifactor second-order calculus method

Кибрик А. Е.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Исследуется клаузальное сочинение в 23-х родственных дагестанских идиомах, отличающееся чрезвычайным разнообразием. В исследуемой выборке не найдено ни одной пары идиомов с тождественными сочинительными конструкциями. Создается впечатление полной произвольности и хаотичности выбора формальных средств оформления этой конструкции в конкретных идиомах. Такая ситуация создает непреодолимые теоретические трудности. Ни традиционный метод классификации, ни структурный метод исчисления не дают удовлетворительного результата.

В статье применяется принципиально другой подход. Его можно назвать методом многофакторного исчисления второго порядка: исчисление сочинительных конструкций обеспечивается не на уровне самих конструкций, а на уровне тех параметризованных принципов и стратегий, которые лежат в основе построения конкретных сочинительных конструкций.

1. Трудности описания вариативности сочинительных конструкций

Около тридцати лет назад я провел эмпирические сопоставительное исследование базового синтаксиса двух десятков дагестанских языков. А именно, на основе единой анкеты был собран языковой материал по структуре элементарного предложения, сентенциальным актантам, рефлексивизации и клаузальному сочинению и опубликован в форме препринтов очень ограниченным тиражом [Кибрик 1979–1981]¹. Позднее я попытался обобщить собранные ранее данные и выявить реальное многообразие конструкций с сентенциальными актантами [Kibrik 1987]. На описательном уровне достичь этого удалось, но имеющихся в то время теоретических инструментов было явно недостаточно для перехода на объяснительный уровень.

Значительно хуже обстояло дело с обобщениями в области *клаузального сочинения*. Под клаузальным сочинением понимается конструкция (состоящая обычно из двух клауз), отражающая находящиеся в поле зрения когнитивно сопряжен-

ные² события, происходящие одно за другим или одновременно. Следует подчеркнуть, что клаузальное сочинение определяется *не синтаксически, а семантически*. С синтаксической точки зрения семантическое сочинение может выражаться как средствами сочинительной синтаксической связи (например, двумя финитными клаузами, соединенными сочинительным союзом), так и подчинительной³. В дагестанских языках клаузальное сочинение

² Когнитивной сопряженностью называется непосредственная (максимально тесная) связь между когнитивными единицами. В нашем случае между двумя единицами (событиями) имеется отношение непосредственной временной близости, не разрываемой никаким другим событием. Эти события обычно связаны также наличием одних и тех же участников.

³ М. Хаспельмат основательно обсуждает эту проблему в типологической перспективе [Haspelmath 2004: 33–37] и приходит к аналогичному выводу о возможном несоответствии между семантическими и синтаксическими свойствами конструкции, когда предложение семантически является сочинительной структурой, а синтаксически — подчинительной [Haspelmath 2004: 35]. Он также вполне правомерно заключает, что «Имеется много конструкций, представляющих собой их смесь [синтаксическое сочинение и подчинение — АК] и мы находимся лишь самом начале пути к пониманию того, какие ограничения могут быть наложены на такое смешение» [Haspelmath 2004: 37].

¹ Позднее это исследование было опубликовано в [Кибрик 2003].

регулярно выражается с помощью подчинительной техники. Сочинительная техника является позднейшим заимствованием и не влияет на прочие свойства сочинительной конструкции.

Серьезные трудности анализа сочинительных конструкций возникали уже на уровне описательных обобщений. В материале не встретилось **ни одной пары языков с идентичной сочинительной конструкцией**. Более того, в диалектах одного языка тоже часто отсутствовали идентичные конструкции. Наконец, в немалом числе языков использовалось более одной конструкции. Ситуация выглядит парадоксальной: при наличии некоторых схожих локальных формальных средств в большом количестве родственных языков, наблюдается практически полное отсутствие повторяемости конструкций. Такая безрадостная картина привела к тому, что я не возвращался к ней несколько десятилетий. Настоящая работа является попыткой взглянуть на эту проблему в рамках новой парадигмы, которую можно было бы назвать *когнитивно ориентированной типологией*. Однако с целью облегчения ее понимания я начну с рассмотрения конкретного языкового материала.

2. Примеры клаузного сочинения в пяти языках

В каждом языке материал по клауальному сочинению собирался методом анкетирования. Анкета представляла собой минимальную группу примеров сочиненных клауз, одна из которых содержала непереходный, а другая — переходный глагол. В непереходной клаузе представлен одноместный глагол движения, а в переходной — агентивный глагол 'бить', управляющий агентивной ИГ в эргативе и пациентивной ИГ в номинативе. При этом ИГ в непереходной клаузе кореферентна одной из ИГ в переходной клаузе. Примеры различаются порядком следования непереходной и переходной клаузы (отражающим последовательность событий). В нотации первая клауза выделена квадратными скобками. Кореферентные ИГ коиндексированы. Кроме того, контролер анафорической связи обозначен затемнением.

Эти предложения семантически соответствуют следующим русским эквивалентам (см. (1)–(2)).

Синтаксическое сочинение	(1)	а. Мальчик _i девочку ударил и \emptyset _i ушел.
б. Мальчик _i девочку _i ударил, и она _i ушла.
в. Мальчик _i пришел и \emptyset _i ударил девочку.
г. Девочка _i пришла, и мальчик _i ее _i ударил.
Синтаксическое подчинение	(2)	а. [\emptyset _i ударив девочку], мальчик _i ушел.
б. *[Мальчик _i \emptyset _i ударив], девочка _i ушла.
в. [\emptyset _i придя], мальчик _i ударил девочку.
г. *[\emptyset _i придя], мальчик _i девочку _i ударил.

В русском языке клауальное сочинение организовано по аккузативной схеме. А именно:

- при сочинении клауз происходит опущение повторного упоминания референта во второй клаузе, если в обеих клаузах имя этого референта находится в подлежащей позиции;
- если в одной из клауз имя референта находится в любой иной позиции, повторное упоминание в другой клаузе оформляется местоимением.

Теперь обратимся к собственно дагестанскому материалу.

2.1. Бежтинский язык⁴

В бежтинском языке имеются две техники построения сочинительной конструкции. Начнем с рассмотрения 1-й конструкции, см. (3).

Во всех четырех предложениях первая клауза оформлена конвербным показателем *-na / -nā*⁵ при глаголе. Из двух ИГ, находящихся в анафорической связи, первая ИГ редуцируется до нуля. Она является мишенью, сигнализатором (анафором) анафорической редукции, а вторая ИГ является контролером (антецедентом) и оформлена как полная ИГ. Иными словами, фактически в этом случае реализована катафорическая схема редукции. Кроме того, в первой, переходной клаузе полная ИГ в номинативе имеет при себе показатель сочинения, совпадающий с показателем конверба, см. (3а).

В примерах (3а-б) наличие нулевой анафоры в первой (переходной) клаузе однозначно восстанавливается, поскольку ее второй актант оформлен полной ИГ.

В примерах (3в-г) во второй клаузе имеется два кандидата на роль контролера, и однозначный выбор может быть осуществлен лишь благодаря согласованию глагола с нулевой ИГ. В (3в) это согласование по 1-му классу, а в (3г) — по 2-му⁶.

⁴ Бежтинский язык относится к цезской группе. В данной работе используются данные глядальского диалекта.

⁵ Выбор алломорфа зависит от правила гармонии, согласно которому ряд гласного корня контролирует ряд гласной суффиксов.

⁶ Подавляющее большинство дагестанских языков имеют согласовательные именные классы. В четырехклассных системах принято их цифровое обозначение. Обычно к 1-му классу относятся имена мужчин, ко 2-му — имена женщин, распределение имен по 3-му и 4-му классам семантически неочевидно.

1. Мальчик девочку побил и ушел (букв. Девочку побив, мальчик ушел).

а. [\emptyset_i kid-nä j=äl'en-nä,] öže_i eL'erö.
ERG 2.девочка.NOM-& 2=бить-CNV 1. мальчик. NOM 1.уйти.AOR

2. Мальчик девочку побил и она ушла (букв. Мальчик побив, девочка ушла).

б. [öždi \emptyset_i j=äl'en-nä,] kid_i j=eL'erö.
мальчик.ERG 2.NOM 2=бить-CNV 2. девочка. NOM 2=уйти.AOR

(3)

3. Мальчик пришел и побил девочку (букв. Придя, мальчик девочку побил).

в. [\emptyset_i ðq'o-na,] öždi_i kid j=äl'ellö.
1.NOM 1.прийти.CNV мальчик.ERG 2. девочка. NOM 2=бить.AOR

4. Девочка пришла и мальчик ее побил (букв. Придя, мальчик девочку побил).

г. [\emptyset_i j=ðq'o-na,] öždi kid_i j=äl'ellö.
2.NOM 2=прийти.CNV мальчик.ERG 2. девочка. NOM 2=бить.AOR

Патимат пришла и побила Аминат / Аминат пришла и Патимат ее побила.

[\emptyset_i /j j=ðq'o-na,] pat'imati_i aminat_j j=äl'ellö.
2.NOM 2= прийти.CNV Патимат .ERG 2. Аминат .NOM 2=бить.AOR

(4)

1. Мальчик девочку побил и ушел.

а. öže_i [\emptyset_i kid-nä j=äl'en-nä,] eL'erö.
1. мальчик .NOM ERG 2.девочка.NOM-& 2=бить-CNV 1.уйти.AOR

2. Мальчик девочку побил и она ушла.

б. kid_i [öždi \emptyset_i j=äl'en-nä,] j=eL'erö.
2. девочка .NOM мальчик.ERG 2.NOM 2=бить-CNV 2=уйти.AOR

(5)

3. Мальчик пришел и побил девочку.

в. öždi_i [\emptyset_i ðq'o-na,] kid j=äl'ellö.
мальчик .ERG 1.NOM 1.прийти-CNV 2.девочка.NOM 2=бить.AOR

4. Девочка пришла и мальчик ее побил.

г. kid_i [\emptyset_i j=ðq'o-na,] öždi j=äl'ellö.
2. девочка .NOM 2.NOM 2.прийти.CNV мальчик.ERG 2=бить.AOR

А что будет, если обе ИГ относятся одному и тому же классу? См. (4).

Такие предложения не запрещены, но они создают референциальную неоднозначность.

Рассмотрим теперь 2-ю конструкцию⁷, см. (5).

Отличие 2-й конструкции от 1-й состоит в том, что контролер анафорической связи продвигается в левую позицию предложения. В итоге во всех предложениях значение референта опущенной ИГ может быть восстановлено.

Итак, между 1-й и 2-й конструкцией, с точки зрения базового принципа различительности, лежит пропасть. Допустимость предложений типа (4) является для дагестанских языков почти уникальной.

С точки зрения базового принципа синтаксической нейтральности данные бежтинского языка доказывают, что ролевые характеристики именных групп не влияют на выбор конструкции.

Отдельного обоснования требует интерпретация предложения (5г). С точки зрения падежного кодирования 'девочка' в главном и зависимом предложении имеет форму номинатива. Поэтому можно было бы считать, что выдвигения влево в этом случае нет, и *kid* находится в зависимой клаузе, а нулевое кодирование представлено во второй, главной клаузе. Однако тогда (5г) строилось бы без учета принципа структурного приоритета, что противоречит как 1-й, так и 2-й конструкции. Принятый анализ (5г) является единственно возможным из системных соображений. Вместе с тем последовательность двух номинативных ИГ, одна из которых не имеет материального выражения, создает определенные трудности восприятия, и в арчинском языке реализована другая, уникальная в нашем корпусе языков, техника.

⁷ Для облегчения восприятия все последующие примеры используют те же самые предложения в том же порядке. Поэтому при отсылке к конкретному типу предложения ниже используются их порядковые номера, данные курсивом: (1), (2), (3), (4).

1. Брат сестру побил и ушел.
- а. $u\check{s}du_i$, [\emptyset_i došdur dāčerfi-li,] uqIa
 брат.NOM 2.девочка.NOM-& сестра.NOM бить-CNV уйти.AOR
2. Брат побил сестру, и она ушла.
- б. došdur_i, [ušmi \emptyset_i dāčerfi-li,] o=r=qIa.
 2. сестра .NOM брат NOM бить-CNV 2=уйти.AOR
3. Брат пришел и сестру побил. (6)
- в. $u\check{s}mi_i$, [\emptyset_i qI_oa-li,] došdur dāčerfi.
 брат .ERG 1.NOM 1.прийти-CNV сестра.NOM бить.AOR
4. Сестра пришла и брат ее побил.
- г. * došdur_i, [\emptyset_i da=qIa-li,] ušmi dāčerfi.
 2. сестра .NOM 2.NOM 2=прийти-CNV брат.ERG бить.AOR
- г'. $u\check{s}mi_i$, [došdur_i da=qIa-li,] \emptyset_i dāčerfi.
 брат.ERG сестра .2.NOM 2=прийти-CNV NOM бить.AOR

3. Брат пришел и сестру ударил.
- в. $u\check{s}mi_i$, [\emptyset_i qI_oa-li,] došmis daxdi.
 брат .ERG 1.NOM 1.прийти-CNV сестра.DAT ударить.AOR (7)
4. Сестра пришла и брат ее ударил.
- г. došmis_i [\emptyset_i da=qIa-li,] ušmi daxdi.
 сестра .DAT 2.NOM 2=прийти-CNV брат.ERG ударить.AOR

1. Брат, побив сестру, ушел.
- а. wac_i , [\emptyset_i jac-la č'in,] w=eχa wu=na.
 1. брат .NOM ERG сестра.NOM-& бить.CNV 1=уйти.AOR
2. Сестра, (как) брат (ее) побил, ушла.
- б. jac_i , [wacud-la \emptyset_i č'in,] j=eχa ji=na.
 2. сестра .NOM брат.ERG-& 2.NOM бить.CNV 1=уйти.AOR. (8)
3. Брат пришел и побил сестру.
- в. [wac_i wi=?a,] \emptyset_i jac č'in.
 брат .NOM 1=прийти.CNV erg сестра.NOM бить.AOR
4. Сестра пришла и брат (ее) побил.
- г. [jac_i ni=?a,] wacud \emptyset_i č'in.
 2. сестра .NOM 1=прийти.CNV брат.ERG 2.NOM бить.AOR

1. Мальчик девочку побил и ушел.
- а. $u\check{z}e_i$, [\emptyset_i kad-in šuk'u-n,] ēl'i.
 1. мальчик .NOM ERG 2.девочка.NOM-& 2.бить-CNV 1.уйти.AOR
2. Мальчик девочку побил и она ушла.
- б. kad_i , [uža-n \emptyset_i šuk'u-n,] j=ēl'i.
 2. девочка .NOM мальчик.ERG-& NOM 2.бить-CNV 2=уйти.AOR (9)
3. Мальчик пришел и побил девочку.
- в. $u\check{z}e_i$ ot'q'i [\emptyset_i kad-in šuk'u-n].
 1. мальчик .NOM 1.прийти.AOR ERG 2.девочка.NOM-& 2.бить-CNV
4. Девочка пришла и мальчик ее побил.
- г. kad_i j=ot'q'i [uža-n \emptyset_i šuk'u-n].
 2. девочка .NOM 2=прийти.AOR мальчик.ERG-& NOM 2.бить-CNV

1. Мальчик девочку побил и ушел.
- а. [vaʃas₁ jaʃa l'ap'ʒigi l'ap'u,] ɤ₁ || vaʃa₁ lunɕ'a.
мальчик.1.ERG девочка.2.NOM бить.CNV* PRON.1 || мальчик.NOM уйти.AOR
2. Мальчик девочку побил и она ушла.
- б. [vaʃas₁ jaʃa l'ap'ʒigi l'ap'u,] ɤ₁ || jaʃa₁ lunɕ'a.
мальчик.1.ERG девочка.2.NOM бить.CNV PRON.2 || девочка.NOM уйти.AOR
3. Мальчик пришел и побил девочку.
- в. [vaʃa₁ ʃelʒigi solu,] Ø_i || ɤas₁ jaʃa l'ap'ri.
мальчик.1.NOM прийти.CNV ERG || PRON.1.ERG девочка.NOM бить.AOR
4. Девочка пришла и мальчик ее побил.
- г. [jaʃa₁ ʃelʒigi solu,] vaʃas Ø_i || ɤ₁ l'ap'ri.
девочка.2.NOM прийти.CNV мальчик.ERG NOM || PRON.2.NOM бить.AOR

* Здесь и ниже конверб выражен аналитически дубликацией глагольного корня.

В арчинском языке схема клаузалного сочинения в предложениях типа (6а–в) идентична аналогичным бежтинским в (5а–в), а предложение типа (5г) в арчинском языке заблокировано, см. (6г). Грамматичным является предложение (6г').

Утверждение, что выбор техники построения предложения (6г') мотивирован тождеством падежей контролера и мишени, доказывается примерами типа (7г), где, как и в (7в), тождества падежей контролера и мишени нет.

Дело в том, что, в отличие от глагола «бить», имеющего аргументы в номинативе и эргативе, глагол «ударить» оформляет аргументы дативом и эргативом. Поэтому в (7г) падеж контролера *doʃmis* не совпадает с падежом мишени. Такая конструкция не вызывает сложностей восприятия и идентична конструкции (5г).

2.2. Чамалинский язык⁸

Сочинительная конструкция в чамалинском языке в ряде отношений также напоминает 2-ю конструкцию бежтинского языка. Рассмотрим эмпирический материал (по данным говора сел. Нижнее Гаквари), см. (8).

В (8) мишень во всех случаях оформляется нулем и контролер всегда предшествует мишени. Остаются три вопроса.

Во-первых, чем регулируется позиция контролера анафорической связи? В (8а–б) он находится в главной клаузе, а в (8в–г) — в зависимой.

Во-вторых, почему в (8а–б) имеет место *выдвижение ИГ-контролера влево*?

В-третьих, почему выдвижение влево ИГ-контролера имеет место только в (8а–б)?

Наконец, в (8в) можно видеть, что в зависимой клаузе показатель сочинения *-la* имеется не только

на номинативной полной ИГ, но и на эргативной, в отличие от бежтинского языка.

2.3. Хваршинский язык⁹

Рассмотрим примеры (9).

Примеры (9а–б) по структуре идентичны чамалинским примерам (8а–б). Однако (9в–г) отличаются от всего, что мы наблюдали ранее. А именно, зависимая клауза следует за главной. Почему?

2.4. Аварский язык¹⁰

Аварский язык отличается от ранее рассмотренных языков тем, что в нем интенсивно используются разные способы кодирования мишени анафорической редукции. Рассмотрим примеры (10)¹¹.

Прежде всего бросается в глаза, что мишень всегда находится во второй, главной клаузе и выражается нулем, личным местоимением или полной ИГ. При этом в (10в–г) возможно местоимение или нуль, а в (10а–б) — местоимение или полная ИГ. Поскольку местоимение возможно во всех случаях, различаются нуль и полная ИГ.

Как соотносятся данные аварского языка с данными ранее рассмотренных языков?

⁸ Чамалинский язык относится к андийской группе дагестанских языков.

⁹ Хваршинский язык, как и бежтинский, относится к цезской группе. Рассмотрим примеры (данные говора сел. Инхоквири).

¹⁰ Данные по аварскому языку относятся к одному из идиомов анцухского диалекта (селение Чадаколоб), в ряде отношений далекому от литературного языка.

¹¹ В аварском языке по классам изменяются только глаголы, начинающиеся с гласного, поэтому в нижеследующих примерах глаголы не имеют классных показателей. Местоимение 3-го лица в номинативе различает классы.

1. Мальчик сестру побил и ушел.
- а. baj_i [\emptyset_i či $\text{d.uvč}^\circ\text{-unu,}$] guši .
 мальчик.NOM ERG сестра.NOM бить-CNV уйти.AOR
2. Мальчик сестру побил и она ушла.
- б. [bali či_i $\text{uvč}^\circ\text{-gan,}$] dumu_i guši .
 мальчик.ERG сестра.NOM бить-TEMP PRON.NOM уйти.AOR
3. Мальчик пришел и сестру побил.
- в. bali_i [\emptyset_i d.uf-nu,] či $\text{guvč}^\circ\text{či}$
 мальчик.ERG NOM прийти-CNV сестра.NOM бить.AOR
4. Сестра пришла и мальчик ее побил.
- г. [či_i gi-gan,] bali dumu_i $\text{guvč}^\circ\text{či}$.
 сестра.NOM прийти-TEMP брат.ERG PRON.NOM бить.AOR

(11)

2.5. Табасаранский язык¹²

Завершим рассмотрение первичного языкового материала данными дубекского говора, см. (11).

В дубекском говоре в сочинительной конструкции используется несколько кодирующих техник.

Во-первых, в (11а, в) мишень выражается нулем, а в (11б, г) — местоимением.

Во-вторых, глагол зависимой клаузы в (11а, в) оформлен показателем конверба *-nu*, а в (11б, г) — показателем темпорального конверба *-gan*.

В-третьих, в (11а, в) имеет место вынос антецедента анафорической связи влево, а в (11б, г) этой техники нет.

Итак, все кодирующие средства распределены в соответствии с принципом *синтаксической аккумулятивности*. Данные дубекского говора имеют для наших целей принципиальное значение. Это, пожалуй, единственный случай в нашем материале, когда имеются веские основания считать, что синтаксическая аккумулятивность в данном языке реализована. Заслуживает, правда, внимания тот факт, что аккумулятивная схема реализуется не одним кодирующим средством, а системой самостоятельных средств, действующих в одном направлении. Этот факт указывает на то, что такая техника складывалась постепенно, хотя отдельные ее компоненты присутствуют в различных комбинациях в разных дагестанских языках.

Мы рассмотрели данные пяти языков, демонстрирующие вариативность клаузального сочинения. В принципе, каждый конкретный язык может

быть формально описан в терминах наблюдаемых конструкций. Однако любое такое описание не дает ключа к пониманию того,

- какой механизм лежит в их основе,
- каким образом он мотивирует их феноменальное разнообразие,
- какие свойства этого механизма естественным образом ограничивают потенциальное множество сочинительных конструкций, как не зарегистрированных, так и таких, которые могут быть впоследствии обнаружены или возникнуть в процессе развития дагестанских языков.

За внешней непредсказуемостью сочинительных конструкций и кажущейся их произвольностью кроется стройный многофакторный механизм, управляющий построением сочинительных конструкций. Идея многофакторного механизма была предложена Джоанной Николс [Nichols 1981] для описания падежного оформления предикатных имен (*predicate nominals*) в русском языке. Проблема выбора падежа предикатного имени¹³ имеет длительную, но безуспешную традицию изучения в русистике. Джоанна предположила, что на этот выбор влияет множество одновременно действующих факторов, и, используя метод минимальных пар и психолингвистического эксперимента, некоторые из этих факторов выделила. Это пионерское исследование создавало предпосылки для совершенно нового взгляда на архитектуру языка. Насколько мне известно, такая идеология не получила до сих пор распространения в западной лингвистике.

¹² Табасаранский язык представлен говором сел. Дубек, относящегося к северному диалекту табасаранского языка. Данные дубекского говора взяты из работы [Бергельсон и Кибрик, 1982]. Примечательно, что в отношении сочинительной конструкции дубекский говор принципиально отличается от говора кондикского языка, относящегося к южному диалекту.

¹³ речь идет о согласовании предикатного имени с контролером по падежу или маркированием этого имени творительным падежом, например, *она (NOM) была бестолковая ученица (NOM) vs. она (NOM) была бестолковой ученицей (INSTR)*.

3. Стратегии и принципы

Предлагаемое ниже типологическое описание основывается на гипотезе о многофакторном механизме образования сочинительных конструкций в дагестанских языках. В работе проводится различие двух типов факторов: *стратегий* и *принципов*. Как стратегии, так и принципы организованы параметрически и принимают в дагестанских языках некоторое множество значений.

- **Стратегии** — это локальные факторы, определяющие построение конструкций определенного типа.
- **Принципы** — это такие факторы, которые относятся к базовым синтаксическим выборкам языка, во многом определяющим самые разные компоненты языковой структуры, в частности, выбор конкретных стратегий построения тех или иных конструкций.

Стратегии более наглядно представлены в синтаксических конструкциях, поэтому удобнее начать с них.

3.1. Стратегии построения сочинительной конструкции

Рассмотрим основные стратегии оформления конструкций с семантическим клаузалым сочинением. Напомним, что в дагестанских языках синтаксически сочинение оформляется средствами синтаксического подчинения, то есть последовательностью зависимой и главной клаузы, поэтому на этой стратегии я специально останавливаться не буду.

3.1.1. Кодирование зависимой клаузы

В дагестанских языках зависимая клауза маркируется при ее вершине (глаголе), иногда дополнительно при полной именной группе (ИГ). Используются следующие стратегии маркирования зависимой клаузы:

- CNV конверб
- TEMP временной конверб
- STEM форма, совпадающая с основой глагола
- VF финитная форма глагола
- & показатель сочинения на NP в переходной зависимой клаузе

Наиболее употребителен показатель конверба (типа русского деепричастия или английского *gerund*) при глаголе, см. примеры (3–10, 11а, в). Возможен также маркер временного конверба (английский аналог — временные союзы типа *when*), см. пример (11б, г), использование финитной формы глагола или формы, совпадающей с глагольной основой. Наряду с приглагольным маркером подчинения в некоторых языках показатель сочинения прибавляется также к вершине именной группы переходной клаузы, см. (2а, 5а, 8а–б, 9а–г).

3.1.2. Линейная последовательность клауз

Обычно в сочинительной конструкции клаузы следуют одна за другой и иконически отражают временную последовательность событий. В некоторых языках при линейном порядке *dependent clause + main clause* в некоторых контекстах наблюдается вынос одной ИГ¹⁴ главной клаузы в абсолютно левую позицию. Главная клауза в таком случае разрывается, обрамляя зависимую клаузу, см. (5а–г, 6а–г, 7в–г, 8а–б, 9а–б, 11а, в).

Итак, возможна такая стратегия:

- вынос влево ИГ-(контролера) второй клаузы

3.1.3. Кодирование мишени анафорической редукции

Ввиду того, что семантическое сочинение мотивировано когнитивной сопряженностью событий, неудивительно, что очень часто эти события имеют общих участников (одного или более). Говорят, что номинации этих участников связаны анафорическим отношением. Одна из номинаций вводит в рассмотрение некоторый референт (антецедент), а другая повторно его называет. Эта вторая номинация обычно выражается редуцированно. Она называется мишенью (анафором), а связанная с ней первая номинация — контролером (антецедентом)¹⁵ анафорической редукции. Контролер выражается полной ИГ и неотличим от прочих полных ИГ. В определенных контекстах это может создавать трудности однозначного установления контролера.

В дагестанских языках используются следующие стратегии редукции мишени:

- ∅ отсутствие фонетического материала
- PRON личное местоимение
- REFL возвратное (эмфатическое) местоимение
- FULL полная ИГ (повтор ИГ¹⁶)

Наиболее частотна максимальная редукция, при которой мишень редукции не имеет материального выражения (так называемая *нулевая анафора*: обычно для наглядности на место мишени в примерах условно вводится нулевой знак). Таких случаев в приведенном материале большинство. Прочие виды выражения мишени: личным местоимением (*прономинальная анафора*), см. (10а–г, 11б, г), возвратным местоимением (*рефлексивная анафора*)

¹⁴ Как станет ясно в дальнейшем, эта ИГ обычно, хотя и не всегда, см. *арчинский язык* в (6г), является контролером (антецедентом) анафорической связи. Процесс выноса ИГ мотивирован теми принципами построения сочинительной конструкции, которые релевантны для данного языка.

¹⁵ Эта терминология основана на предположении, что антецедентом является первое упоминание референта. В действительности возможен и их обратный порядок (катафора). Однако и в этом случае используется тот же термин антецедент.

¹⁶ То есть отсутствие редукции.

или без использования редукции, см. (10а-б), — обычно используются как дополнительные стратегии в специальных контекстах, часто наряду с нулевой анафорой.

Таково пространство варьирования стратегий оформления сочинительной конструкции. Для нас особый интерес представляет вопрос о выборе способа выражения кореферентности (=анафорической связи) между именными группами в сочиненных клаузах:

- имеет ли место редукция именной группы в одной из клауз,
- какая из кореферентных именных групп является контролером (антецедентом), а какая — мишенью редукции,
- имеются ли ограничения на ролевые (падежные) характеристики мишени и контролера при анафорической редукции.

В этой сфере наблюдается наибольшее разнообразие, даже между генетически наиболее близкими языками. Чтобы ответить на эти вопросы, следует перейти к рассмотрению пространства варьирования принципов, в определенной степени управляющих выбором стратегий.

3.2. Принципы построения сочинительной конструкции

В данной работе в центре нашего внимания являются те принципы, которые ограничивают набор стратегий при кодировании анафорических отношений между клаузами в сочинительной конструкции.

3.2.1. Идентификация ИГ, связанных анафорическим отношением

Если сочинены клаузы с одноместными глаголами, то при кореферентности ИГ в этих клаузах анафорическое отношение между ИГ-ми устанавливается однозначно. Если же в одной из клауз имеется двухместный глагол с двумя ИГ-ми — агентивом и пациентивом, то идентификация ИГ, вступающей в анафорическое отношение с ИГ другой клаузы, требует специальных кодирующих средств. С этой ситуацией связан базовый принцип различительности.

- Принцип различительности: обеспечить однозначное нахождение той ИГ в переходной клаузе, которая кореферентна ИГ непереходной клаузы.

Принцип различительности в общей формулировке¹⁷ является одним из общих семиотических принципов организации языка. Он ориентирован на слушающего, декодирующего сообщение, и накладывает на форму сообщения требование восста-

новости заданного говорящим смысла. В частности, важным свойством каждой номинации является вычислимость ее референта (возможность приписать ей тот референт, который имел в виду говорящий). Так, в русском языке структура переходной клаузы с субъектно-объектной оппозицией системно допускает такую возможность. Например, в предложении *Саша любит Машу* однозначно указывается на референт-экспериенцер (*Саша*) и референт-стимул (*Маша*) благодаря падежному маркированию. Однако в предложении *Болящий дух врачует песнопенье* принцип различительности не срабатывает, поскольку обе номинации (*болящий дух* и *песнопенье*) морфологически не различают именительного и винительного падежей. Поэтому принцип различительности не является абсолютным, он указывает на универсальную тенденцию организации языковой структуры. В дагестанских языках представлены обе возможности, ср. выше (3–4) и (5) в *бежтинском* языке, хотя следование принципу различительности существенно доминирует.

3.2.2. Синтаксические свойства базисной конструкции предложения

Широко известно, что дагестанские языки отличаются от европейского стандарта наличием в них так называемой эргативной конструкции. В ряде своих работ я подробно останавливался на теории элементарного предложения и особенностях эргативной конструкции в дагестанских языках (см. обобщение моей концепции в [Kibrik 1997]). Поэтому здесь я укажу очень кратко только самые существенные положения, необходимые для понимания данной работы.

С точки зрения формальной кодировки ИГ в непереходной и переходной клаузах языка мира используют несколько базисных типов конструкций, исходно ориентированных на роли участников ситуации.

Если ограничиться двумя важнейшими элементарными ролями агенса и пациенса, то наиболее иконичной конструкцией, объединяющей с помощью некоторых кодирующих средств непереходную и переходную клаузу, является так называемая активная конструкция. В ней агенс переходной и непереходной клаузы имеет одну кодировку, а пациенс — другую.

Привычная для нас аккумулятивная конструкция объединяет агенс переходной клаузы с единственной ИГ непереходной клаузы. Это объединение, как я полагаю, мотивировано особой гиперролью принципала, *главного участника ситуации, в первую очередь ответственного за то, что событие имеет место*. В этой конструкции маркированной (например, аккумулятивом) является гиперроль пациентива (пациенс и другие элементарные роли типа темы, цели и др.), а немаркированной — гиперроль принципала (номинатив).

¹⁷ которую я здесь не привожу, так как это увело бы нас далеко от темы данной работы.

Возможно также объединение ИГ переходной клаузы с пациентивом переходной клаузы. В этом случае реализуется эргативная конструкция, в которой маркированным является участник с гиперролью агента (объединяющего агента с другими элементарными ролями, например, экспериенцером), а немаркированным — участник с гиперролью абсолютива (кодируется в дагестанских языках номинативом¹⁸). Гиперроль абсолютива объединяет ИГ переходной клаузы с ролью переходного пациента. Ее значение: *это наиболее непосредственный, ближайший участник события, наиболее затрагиваемый им или вовлеченный в него*¹⁹. В дагестанских языках немаркированная гиперроль абсолютива кодируется прямым падежом номинативом, обычно совпадающим с корнем имени, а гиперроль агента — косвенным эргативным падежом.

Иногда встречается также так называемая трехчленная конструкция, противопоставляющая агентив и пациентив переходной клаузы единственному участнику переходной.

Отмечу, что все четыре конструкции следуют принципу различительности, о котором говорилось выше. Однако, возможна также и пятая, нейтральная конструкция, не различающая ролей переходной и переходной клаузы: <S = A = P>. Эта конструкция находится в противоречии с принципом различительности. Возможно поэтому она встречается крайне редко.

Весь этот экскурс в типологию элементарной клаузы опирался на морфологические тесты. Более детальное межязыковое исследование эргативной конструкции в 70-х годах позволило обнаружить, что языки, имеющие морфологическую эргативную конструкцию, очень по-разному ведут себя синтаксически, особенно при построении поликлаузальных структур. Возникла гипотеза, см. [Anderson 1976], что в языках с эргативной конструкцией их эргативность ограничена морфологическим уровнем, а их синтаксис организован по аккумулятивной схеме. В этой связи сочинительная конструкция дагестанских языков представляет интерес с точки зрения того, как оформляются в этой конструкции анафорические отношения. Предвосхищая дальнейшее, можно сказать, что гипотеза Андерсона в дан-

ном случае не проходит, хотя в некоторых языках она как будто бы реализуется.

Универсальная для дагестанских языков семантически эргативная конструкция²⁰ на синтаксическом уровне²¹ потенциально может соотноситься со следующими альтернативными синтаксическими принципами:

- **Принцип синтаксической нейтральности** (использовать одинаковые схемы анафорического кодирования независимо от ролевых характеристик именных групп — S, A и P).
- **Принцип синтаксической аккумулятивности** (различное анафорическое кодирование в зависимости от ролевых характеристик именных групп, а именно S и A vs. P).

У читателя может возникнуть вопрос, почему на синтаксическом уровне не действует принцип синтаксической эргативности. Ответ на него простой. Дагестанские языки являются семантически эргативными (ролевыми) языками (в отличие, например, от синтаксической аккумулятивности европейских, следующих морфологической кодировке аккумулятивной схемы далеко не всегда²²). Падежное маркирование в дагестанских языках однозначно связано с гиперролевыми характеристиками ИГ, поэтому, в частности, в них отсутствуют залоговые конструкции, поскольку они нарушают это однозначное соответствие²³. Для семантически эргативных языков ожидаемой является синтаксическая нейтральность.

Что касается синтаксической аккумулятивности, ее существование означало бы сдвиг в сторону языков другого типа, а именно языков морфологически эргативных, а синтаксически аккумулятивных²⁴ (что и утверждается, как говорилось выше, некоторыми лингвистами). Именно вопрос о наличии этой альтернативы является для нашей темы важнейшим.

²⁰ кодирующая предикатно-аргументную структуру клаузы в терминах гиперролей агента и абсолютива.

²¹ с точки зрения моделей организации кодирования коферентных отношений.

²² Аналогичным образом, язык дирбал, также использующий эргативную конструкцию, является синтаксически эргативным: в нем коферентные связи ограничены номинативом, поэтому при коферентности с ИГ в эргативе в зависимой клаузе необходимо антипассивное преобразование, повышающее эту ИГ до статуса номинатива. Эту интерпретацию языка дирбал см. в [Kibrik 1997: 319–320].

²³ Так, в русском пассиве *Чины людьми даются* номинативом маркируется пациентив, а не агентив, а агентив кодируется не номинативом, а творительным падежом.

²⁴ При этом вставал бы вопрос о сохранении или утрате семантической эргативности, который мы пока затрагивать не будем.

¹⁸ Отмечу, что я принципиально не согласен с внедрившейся в последние тридцать лет практикой усматривать особый морфологический падеж абсолютив. Против этого имеется масса возражений, но здесь не место об этом подробно говорить, см. [Kibrik 1997: сноска 19]. Термин абсолютив я использую для семантической гиперроли.

¹⁹ Замечу, что участник переходной клаузы в перспективе аккумулятивной конструкции интерпретируется как принципал, а в перспективе эргативной конструкции — как абсолютив, и это никоим образом не является семантическим парадоксом, потому что это — единственный участник события.

3.2.3. Синтаксические позиции кореферентных ИГ

При выборе контролера (и, соответственно, мишени) анафорического отношения могут действовать следующие принципы:

- **Принцип структурного приоритета** (контролер в главной клаузе (MC)).
- **Принцип линейного приоритета** (контролер линейно предшествует мишени).
- **Принцип приоритета непереходной клаузы** (контролер в непереходной клаузе).

Дагестанские языки различаются тем, какому из принципов они следуют.

Принцип структурного приоритета мотивирован престижной синтаксической позицией в сочинительной конструкции: элемент главной клаузы выше по синтаксическому дереву элемента зависимой клаузы.

Принцип линейного приоритета мотивирован первым упоминанием референта в линейной структуре конструкции, что соответствует общей идее связи между кореферентными ИГ слева направо.

Наконец, последний принцип мотивирован однозначностью нахождения контролера, поскольку в непереходной клаузе такая ИГ единственная.

3.2.4. Линейная последовательность главной и зависимой клауз (при синтаксическом подчинении)

Как указывалось выше, в нарративах линейная последовательность клауз иконически указывает на временную последовательность разворачивания событий. При подчинительной технике оформления семантического сочинения необходимо указать, какая из клауз является главной, а какая зависимой. Это предопределяется базисным синтаксическим принципом:

- **Принцип левостороннего ветвления.**

Этот принцип (зависимая составляющая предшествует главной) не является абсолютным. В некоторых случаях он может не действовать или локально нарушаться. При соблюдении этого принципа последовательность главной и зависимой клауз следующая:

Зависимая клауза + Главная клауза, то есть:

$[_{c2} [_{c1} DC] + MC]$

В противном случае последовательность такая:

Главная клауза + Зависимая клауза, то есть: $[_{c1} MC + [_{c2} DC]]$

Итак, мы рассмотрели репертуар стратегий и принципов, которые участвуют в построении сочинительной конструкции в дагестанских языках и приводят к ее разнообразию.

Теперь покажем, как такая система стратегий и параметров описывает рассмотренные выше примеры.

4. Варьирование сочинительной конструкции в терминах стратегий и принципов

Теперь проинтерпретируем тот же языковой материал с точки зрения предлагаемой теории параметризованных стратегий и принципов.

4.1. Бежтинский язык

Принципы и стратегии, предопределяющие 1-ю сочинительную конструкцию, см. (3–4), представлены на схеме 1.

Принцип левостороннего ветвления проявляется в том, что во всех предложениях зависимая клауза предшествует главной. Следует отметить, что этот принцип действует в подавляющем большинстве рассмотренных конструкций (в 21-м из 23-х идиомов). Более того, этот принцип не является специфической характеристикой клаузального сочинения, он в значительной степени предопределяет синтаксис дагестанских языков в целом, в частности, базовый порядок слов предикатно-аргументной структуры: $\langle A + P + VERB \rangle^{25}$, и в именной группе: $\langle Modifier + NP \rangle^{26}$. Этот принцип не является чисто формальным. Он мотивирован тем, что вершина составляющей дефолтно является ее фокусом, а зависимая составляющая — темой, естественный порядок которых ТЕМА + ФОКУС. Принцип синтаксической нейтральности проявляется в том, что ролевые характеристики ИГ в сочиненных клаузах не влияют на построение сочинительной конструкции. Этот принцип также является статистически доминирующим (действует в 19-ти идиомах).

В этой конструкции маркирование подчинения в зависимой клаузе подчиняется базовой стратегии для так называемых (в соответствии с терминологией [Nichols 1986]) dependent-marking languages. Выбор единой формы конверба, а также нулевой анафоры для всех четырех предложений (3а–г) мотивирован принципом синтаксической нейтральности. Наличие контролера анафорической связи в главной клаузе, а мишени — в зависимой диктуется принципом структурного приоритета.

Система принципов и стратегий для этой конструкции полностью ее описывает. Простота данной системы создает неоднозначность в (3в–г) и (4), по-

²⁵ Я сознательно не использую традиционную нотацию SOV, поскольку она исходит из ложной презумпции универсальности ядерных синтаксических отношений (субъекта и объекта), см. [Kibrik 1997].

²⁶ Вершинная ИГ занимает конечную позицию, которой предшествует ИГ в генитиве, относительное предложение и прочие модификаторы.

Схема 1

Бежтинский язык. 1-я конструкция

Принципы:	Стратегии:
Синтаксическая нейтральность, левостороннее ветвление (DC + MC), структурный приоритет (контролер в MC)	Кодирование подчинения в DC: $cnv + \&$ при ИГ*, Кодирование мишени: \emptyset

* Это полная ИГ переходной клаузы. В бежтинском языке такая полная ИГ должна быть в номинативе.

Схема 2

Бежтинский язык. 2-я конструкция

Принципы:	Стратегии:
Различительность, синтаксическая нейтральность, левостороннее ветвление, структурный приоритет, линейный приоритет	Вынос влево ИГ-контролера второй клаузы, Кодирование подчинения в DC: $cnv + \&$ при ИГ, Кодирование мишени: \emptyset

Схема 3

Арчинский язык

Принципы:	Стратегии:
Различительность, синтаксическая нейтральность, левостороннее ветвление, \pm структурный приоритет*, линейный приоритет	\pm вынос влево ИГ второй клаузы, кодирование подчинения в DC: cnv кодирование мишени: \emptyset

* Знак \pm означает, что данный принцип может при некоторых условиях не действовать.

сколькo принцип различительности для данной системы нерелевантен.

Чтобы избежать референциальной неоднозначности, в бежтинском языке имеется также 2-я конструкция, см. (5).

Эта конструкция строится на несколько отличной системе принципов и стратегий, см. схему 2. А именно, добавляются принцип различительности и линейного приоритета, а также мотивируемая ими стратегия выноса влево ИГ-контролера из второй клаузы.

Легко видеть, что принципы структурного и линейного приоритета в сочетании с принципом левостороннего ветвления вступают в конфликт: согласно принципу левостороннего ветвления и структурного приоритета ИГ-контролер должен находиться во второй, главной клаузе, а согласно принципу линейного приоритета он должен предшествовать мишени, находящейся в первой, зависимой, клаузе. Преодолевается этот конфликт стратегией выноса влево ИГ-контролера главной клаузы. В результате активированный принцип различительности соблюдается не только в (5а–б), но и в (5в–г).

Принципы и стратегии, действующие в арчинском языке, представлены на схеме 3.

Специфичным в арчинском языке является частичное блокирование принципа структурного приоритета, возможность выноса влево ИГ, не являющейся контролером и отсутствие показателя сочинения на полной ИГ в зависимой клаузе.

4.2. Чамалинский язык

Чамалинские данные приведены в (8). Принципы и стратегии, активированные в чамалинском языке, сформулированы в схеме 4.

Чамалинский язык отличается от 2-й бежтинской конструкции лишь наличием принципа приоритета непереходной клаузы вместо принципа структурного приоритета.

Остаются два вопроса.

Во-первых, почему в (8а–б) имеет место выдвижение ИГ-контролера влево? С точки зрения принципа различительности это избыточно. Однако данная стратегия необходима ввиду действия принципа линейного приоритета.

Схема 4

Чамалинский язык

Принципы:	Стратегии:
Различительность, синтаксическая нейтральность, левостороннее ветвление линейный приоритет, приоритет непереходной клаузы	вынос влево ИГ-контролера второй клаузы, кодирование подчинения в DC: $cnv + \&$ при ИГ, кодирование мишени: \emptyset

Схема 5

Хваршинский язык

Принципы:	Стратегии:
Различительность, синтаксическая нейтральность, структурный приоритет, линейный приоритет, приоритет непереходной клаузы	вынос влево ИГ-контролера второй клаузы*, кодирование подчинения в DC: $cnv + \&$ при ИГ, кодирование мишени: \emptyset

* Если такой ИГ нет, данная стратегия не реализуется.

Схема 6

Аварский язык

Принципы:	Стратегии:
Различительность, синтаксическая нейтральность, левостороннее ветвление, линейный приоритет	Кодирование подчинения в DC: cnv , кодирование мишени: $PRON$, см. (а-г), \emptyset , см. (в-г), $FULL$, см. (а-б), если классное согласование не различает контролеров

Во-вторых, почему в (8в-г) нет выдвигания влево ИГ-контролера? Это объясняется тем, что ИГ-контролер в (8в-г) находится в первой клаузе и уже удовлетворяет принципу линейного приоритета.

Таким образом, принцип линейного приоритета играет в этой системе важную роль и особым образом ограничивает стратегию выдвигания ИГ-контролера.

Наконец, можно видеть, что, в отличие от бежтинского языка, в зависимой клаузе показатель сочинения имеется не только на номинативной полной ИГ, как в (8а), но и на эргативной, как в (8б).

4.3. Хваршинский язык

Действующая в хваршинском языке система принципов и стратегий представлена на схеме 5.

В хваршинском языке не задействован принцип левостороннего ветвления, что делает возможным в (9б-в) порядок клауз $MC + DC$, ранее не встречавшийся. В свою очередь необходимость такого порядка диктуется одновременной активацией принципов линейного приоритета, структурного приоритета и приоритета

непереходной клаузы: непереходная клауза должна быть первой и главной клаузой в предложении. По тем же причинам стратегия выноса влево имеется только в (9а-б).

4.4. Аварский язык

Поскольку в аварском языке действует принцип линейного приоритета, во всех случаях контролер находится в зависимой, а мишень — в главной клаузе.

4.5. Табасаранский язык

Полагаю, что теперь данные табасаранского языка в 2.5 (см. выше) могут быть без труда интерпретированы в систему принципов и стратегий, как это показано на схеме 7.

Все стратегии в табасаранском языке дополнительно распределены в (11) между предложениями (а, в) и (б, г) в соответствии с принципом синтаксической аккузативности. Принцип структурного приоритета таким же образом действует в предложениях (а, в).

Табасаранский язык (говор сел. Дюбек)

Принципы:	Стратегии:
Синтаксическая аккумулятивность, различительность, левостороннее ветвление, ± структурный приоритет, см. (а, в) vs. (б, г), линейный приоритет	Вынос влево ИГ-контролера второй клаузы, см. (а, в), кодирование подчинения в DC: cnv, см. (а, в), темп, см. (б, г), кодирование мишени: ∅, см. (а, в) rrop, см. (б, г)

5. Заключение

1. Языковое разнообразие. Подведем итоги рассмотрения организации клаузного сочинения двадцати дагестанских языков (точнее, 23-х идиомов). На нескольких примерах был продемонстрирован феномен разнообразия сочинительных конструкций в дагестанских языках. Полное рассмотрение всех изученных языков см. в [Кибрик 2007]. Важный эмпирический факт состоит в том, что в выборке из 23 идиомов не встретилось ни одной пары идиомов, имеющих идентичную систему сочинительных конструкций. Более того, некоторые идиомы имеют более одной сочинительной конструкции. При этом анкетный метод сбора материала не гарантирует, что в действительности дагестанские языки не используют других сочинительных конструкций, по тем или иным причинам не обнаруженных в процессе сбора материала.

Очевидно, что в такой ситуации традиционный таксономический метод классификации зарегистрированных конструкций неприменим. Более того, обычно эффективный структурный метод исчисления в терминах самих этих конструкций также является недостаточным, поскольку он не позволяет ограничить множество всех потенциально возможных конструкций, как не зарегистрированных, так и таких, которые могут быть впоследствии обнаружены или возникнуть в процессе развития дагестанских языков.

В качестве альтернативы в статье предложен принципиально другой подход, а именно метод многофакторного исчисления второго порядка, который непосредственно исчисляет не конструкции, а объекты когнитивной природы: факторы, ответственные за образование конкретных конструкций.

2. Метод многофакторного исчисления второго порядка. Этот метод строится на презумпции, что при всем многообразии сочинительных конструкций различия между ними не безграничны. Это многообразие объясняется ограниченным множеством альтернативных принципов и стратегий, способных объединяться в различные комбинации. Иными словами, ограничение сочинительных кон-

струкций обеспечивается не на уровне самих конструкций, а на уровне тех параметризованных принципов и стратегий, которые лежат в основе построения конкретных сочинительных конструкций. Их репертуар описан в разделе 3, и он действительно покрывает все разнообразие зафиксированных конструкций.

3. Неспецифический характер принципов и стратегий. Особо следует подчеркнуть общезыко-вой статус принципов, а также большинства стратегий: сфера их действия не ограничена семантическим сочинением, они проявляются также в построении многих других синтаксических конструкций. Такое понимание архитектуры естественного языка опирается на принцип многофакторности, лежащий в основе выбора средств для построения языковых конструкций. Иными словами, семантическое сочинение отображается в синтаксическую конструкцию исходя из ограниченного репертуара параметризованных элементарных концептов, встроенных в грамматику данного языка. Этот репертуар в свою очередь является подмножеством универсального репертуара, ограничивающего вариативность естественных языков.

Существенно, что в целом для дагестанских языков ни один из параметров и ни одна из стратегий не являются обязательными, но выбор некоторого параметра (и его значений) часто предопределяет последующие выборы. Возможно, техника клаузного сочинения есть цепочка частично детерминированных выборов из ограниченного репертуара альтернатив²⁷.

4. Мотивированность принципов. Следует обратить внимание на то, что введенные в рассмотрение конкретные принципы и стратегии, являясь формальными конструктами, напоминающими

²⁷ Такая идеология реализована в ряде других моих работ, затрагивающих реляционную структуру элементарного предложения [Кибрик 2003: 133–187]; «аномалии» личного спряжения, мотивированные действительской иерархией; семантические роли и когнитивную маркированность [Кибрик 2003: 270–304]; внешний посessor [Кибрик 2003: 307–319]; многофакторные стратегии согласования [Кибрик 2003: 400–450].

конструкты генеративной теории принципов и параметров²⁸, в то же время глубоко мотивированы когнитивной структурой и имеют содержательную интерпретацию.

Так, *принцип различительности* характеризует не только (и не столько) сочинительные конструкции, а базовый семиотический принцип — обеспечивать существующими в языке знаковыми средствами различение релевантных смыслов языковых выражений.

Принцип синтаксической нейтральности является необходимым свойством чистых ролевых языков, последовательно концептуализирующих различия между участниками ситуаций в терминах соответствующих гиперролей. Дагестанские языки следуют эргативной схеме, основанной на гиперролях — агентиве и абсолютиве, подробнее см. [Kibrik 1997, Кибрик 2003: Part 3. Теория элементарного предложения], и относятся к типу семантически эргативных языков. Это означает, что для них гиперролевые характеристики участников ситуации имеют фиксированное кодирование и не могут быть изменены ни в каком контексте. Поэтому, в частности, синтаксический уровень «прозрачен», нейтрален в отношении ролевых характеристик. Действительно, нейтральность синтаксиса в области сочинительных конструкций проявляется в подавляющем большинстве рассмотренных языков.

Принцип синтаксической аккузативности как будто бы предполагает кардинальное отклонение от дагестанского ролевого прототипа — переход на другую систему гиперролей (принципала и пациентива). Однако более внимательный анализ данных этого не подтверждает. Активизация данного принципа имеет другую природу. Известно, что аккузативная конструкция (объединение А и S) гармонирует с концептом независимого коммуникативного измерения — *топиком*. Зачатки этого измерения проявляются в принципе левостороннего ветвления, см. ниже, являющимся общедагестанской характеристикой. В целом, примерно в половине языков намечается формирование относительно новых для дагестанских языков концептов коммуникативного измерения и их грамматикализация. Это обстоятельство играет существенную роль в кодировании анафорических отношений в сочинительных конструкциях и постепенном наращивании черт синтаксической аккузативности. Множественность типов конструкций позволяет почти пошагово восстановить этот исторический процесс и его мотивацию. Типологически важно, что такой сдвиг происходит в результате кластеризации концептов ролевого и коммуникативного членения, не затрагивая по существу исконной техники кодирования концептов ролевого членения (падежное кодирование актантов и классное согласование).

Принцип левостороннего ветвления, как было отмечено выше, также мотивирован коммуникативным измерением. А именно, вершина составляющей гармонирует с ее *фокусом*, естественная линейная позиция которого — в конце составляющей. Можно отметить, что в широкой типологической перспективе этот принцип реализуется в языках с конечной позицией глагола.

В списке принципов имеется три конкурирующих фактора, влияющих на выбор ИГ-контролера. *Принцип структурного приоритета* ограничивает позицию контролера главной клаузой, а мишень — зависимой. Синтаксическая оппозиция главной и зависимой клаузы гармонирует с коммуникативными концептами *фигура* и *фон* соответственно. *Принцип линейного приоритета* опирается на когнитивно-дискурсивное различие между первичным и повторным упоминанием референта. При первичной номинации референт впервые вводится в рабочую память, а прочие его вербальные упоминания являются побочным эффектом линейности речи. В когнитивной структуре (в рабочей памяти) имеется только один концепт (метка референта), и отсылка осуществляется к нему, а не к вербальному антецеденту. *Принцип приоритета непереходной клаузы* мотивирован тем, что в этом случае нахождение контролера тривиально и требует минимальных вычислительных усилий. Таким образом, этот принцип следует из более общего поведенческого принципа — *принципа экономии усилий*.

5. Мотивированность стратегий. Что касается стратегий, то в большинстве случаев они также формальны только в техническом смысле слова, будучи наделены когнитивной, семиотической или системной мотивацией.

Например, стратегия *выноса влево ИГ-контролера второй клаузы* обычно мотивирована системно. Такая линеаризация не случайна, она вызвана необходимостью снять конфликт между независимыми принципами линейного приоритета и структурного приоритета (или приоритета непереходной клаузы). В некоторых особых случаях сфера действия этой стратегии расширяется, будучи мотивирована более локальным ограничением на линейную цепочку находящихся в разных клаузах контролера и мишени, кодируемых одним и тем же поверхностным падежом, см. конструкцию (бг') арчинского языка.

Стратегия *кодирования мишени анафорической связи* допускает в дагестанских языках определенный репертуар их оформления. Этот репертуар соответствует универсальному набору средств оформления повторной номинации. Нулевое кодирование мишени в наибольшей степени соответствует когнитивной интерпретации анафорической связи, а также принципу синтаксической нейтральности. Не случайно оно представлено как единственная возможность в половине идиомов.

²⁸ Хотя я хочу указать, что эти понятия не являются специфическими для данной теории. Например, они используются также в работе [Comrie 2004] без придания им строго терминологического значения.

Как показывает анализ конкретных языков, выбор альтернативных кодирующих средств в определенной степени мотивирован Иерархией маркированности средств повторной номинации:

$$\emptyset < \text{PRON} < \text{REFL/EMPH} < \text{FULL NP}$$

Нулевое кодирование в этом случае означает максимально немаркированную ситуацию, а оформление повторной номинации полной именной группой — максимально маркированную. Личное местоимение кодирует коммуникативно более маркированные номинации, чем нуль. Возвратное (точнее, эмфатическое) местоимение более маркировано, чем личное²⁹, так как оно дополнительно указывает на смену ожиданий адресата, см. [Кибрик, Богданова 1995, Лютикова 1999].

6. Типология родственных языков. Данное исследование убедительно демонстрирует важность типологического подхода к родственным языкам. Во-первых, он позволяет избежать ошибок в интерпретации языковых выражений каждого из языков, что часто неизбежно происходит при их автономном изучении из-за явного или скрытого недостатка аргументов для отсева конкурирующих описательных альтернатив. Типологический подход позволяет тестировать правильность описания языковых выражений конкретного языка и обнаруживать их наиболее адекватную интерпретацию. Во-вторых, он показывает опасность типологических обобщений, формулируемых на основе статистически нормализованной выборки из языков различных семей, ограниченной их одинаковой представительностью. Так, если в такую выборку будет включен в качестве представителя дагестанских языков лезгинский язык, то окажется, что при клаузальном сочинении дагестанские языки характеризуются синтаксической аккузативностью (а также не имеют именных классов, латеральных согласных, фарингализации и т. д.).

Полное описание синтаксиса клаузального сочинения всех двадцати трех идиомов дополнительно продемонстрировало, что давнее утверждение С. Андерсона [Anderson 1976], подкрепленное случайными и поверхностно проанализированными примерами, об универсальной синтаксической аккузативности языков с эргативной конструкцией не выдерживает эмпирической проверки языковыми данными дагестанских языков. Лишь в трех языках (*лезгинский, крызский, агульский*) наблюдаются сочинительные конструкции, похожие на аккузативную схему, и лишь в одном языке (*табасаранский*), правда, только в одном из двух проанализированных идиомов, зафиксирована собственно аккузативная схема. Однако при их сравнении с другими языками наглядно видно, что формально аккузативная схема не выделяется дискретно на множестве языков, а выступает как элемент континуума и результат постепенного наращивания средств кодирования концептов коммуникативного измерения, автономного по отношению к ролевому измерению. Более того, в пределах одного идиома агульского языка сосуществуют две конструкции, относящиеся к разным синтаксическим типам.

7. Сочинительные конструкции в исторической перспективе. Если взглянуть на варьирование сочинительной конструкции с исторической точки зрения, то бросается в глаза тот факт, что это варьирование не коррелирует с генетической и ареальной близостью языков. Такая дистрибуция свойств по языкам свидетельствует, что сочинительные конструкции в дагестанских языках неустойчивы, находятся в процессе их формирования. К общедагестанскому фонду могут быть отнесены в первую очередь принципы (исключая коммуникативное измерение³⁰), а также ряд стратегий, типа синтаксического подчинения и использования нулевой анафоры³¹.

²⁹ Влияние этой иерархии проявляется и в русском языке (примеры Е. А. Лютиковой): (i) Маша_i встретила гостью_j и \emptyset _i пошла на кухню. (ii) Маша_i встретила гостью_j и она_j / та_j пошла на кухню. (iii) Маша_i встретила гостью, а сама_i пошла на кухню.

³⁰ Однако коммуникативно мотивированный принцип левостороннего ветвления является базовым.

³¹ Выражаю благодарность Андрею Кибрику, Екатерине Лютиковой и Якову Тестельцу, ознакомившимся с рукописью и сделавшим ряд ценных замечаний.

Литература

1. Бергельсон М. Б. и Кибрик А. Е. 1982. Сочинительное сокращение в табасаранском языке // А. Е. Кибрик (ред.) Табасаранские этюды. М.: Изд. МГУ, 66–73.
2. Кибрик А. Е. 1979–1981. Материалы к типологии эргативности. Препринты Института русского языка АН СССР. М.
3. Кибрик А. Е. 2003. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя.
4. Кибрик А. Е. и Богданова (Лютикова) Е. А. 1995. САМ как корректор ожиданий адресата // ВЯ, № 3, 28–47.
5. Кибрик А. Е. 2007. Принципы и стратегии клаузуального сочинения в дагестанских языках. // ВЯ №3: 107–149.
6. Лютикова Е. А. 1999. Эмфатическое местоимение *wiž* // А. Е. Кибрик (ред.) Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 617–629.
7. Anderson, Stephen. 1976. On the notion of subject in ergative languages // Ch. Li (ed.) Subject and topic. New York: Academic Press, 1–23.
8. Comrie, Bernard. 1988. Coreference and conjunction reduction in grammar and discourse // J. A. Hawkins (ed.) Explaining language universals. New York: Basil Blackwell, 186–208.
9. Haspelmath, Martin. 2004. Coordinating constructions. An overview // M. Haspelmath (ed.) Coordinating constructions. Amsterdam: Benjamins, 3–39.
10. Kibrik, Aleksandr. 1987. Constructions with clause actants in Daghestanian languages // R. M. W. Dixon (ed.) Studies in ergativity. Amsterdam: Elsevier Science Publishers, 133–178.
11. Kibrik, Aleksandr. 1997. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology. // Linguistic typology 1, 279–346.
12. Nichols, Johanna. 1981. Predicate nominals: a partial surface syntax of Russian. Berkeley: Univ. of California Press.
13. Nichols, Johanna. 1986. Head-marking and dependent marking grammar. // Language 62(1), 56–119.